

²² Reoul X. Kant et le probleme du mal. Montreal, 1971. P.258.

²³ Кант И. Соч. Т.6. С.11.

²⁴ Кант И. Соч. Т.6. С.12.

²⁵ Кант И. Соч. Т.6. С.13. Мысль о том, что человеческие пороки являются одной из движущих сил прогрессивного развития общества, высказывались до Канта Б. Мандевилем в его «Басне о пчелах» и Ж.-Ж. Руссо, который в своем «Рассуждении о науках и искусствах» писал, что «науки и искусства обязаны своим происхождением нашим порокам» (Руссо Ж.-Ж. Избр. соч. М., 1961. Т.1. С.53). Однако и Мандевилль, и Руссо, идея которого была, вероятно, воспринята Кантом, отрицают нравственный прогресс и, следовательно, не рассматривают нравственное сознание как фактор, способствующий интеллектуальному развитию человечества. Кант же, указывая на позитивную роль отрицательных качеств человеческой природы, нисколько не умаляет значение человеческой нравственности, которой он, в конечном итоге, придает решающее значение. Благодаря этому Кант преодолевает односторонний характер воззрений Мандевиля и Руссо.

²⁶ Фишер К. История новой философии. Т.5. СПб., 1908. С.180.

²⁷ Cassirer E. Kants Leben und Lehre. Berlin, 1920. S.140.

КУРТИС Х. ПЕТЕРС

(Индиана университет, США)

Вечный мир: надежда или иллюзия?

В своем сочинении мне хотелось бы придерживаться стратегии, которая может показаться весьма необычной. Мне также кажется в высшей степени необычным тот факт, что можно коснуться вопросов социальной и политической философии посредством философии религии – точнее, что можно коснуться вопросов, поднимаемых в «*Zum Ewigen Frieden*» («Вечный мир») посредством философии религии Канта. И все же именно это я и предлагаю сделать; кроме того, я предлагаю использовать разделы философии религии Фрейда. Окажется ли данная стратегия разумной и плодотворной – судить читателю.

1. Некоторые положения философии религии Канта

Те вопросы философии религии Канта, которые, как я полагаю, относятся к изучению *«Вечного мира»*, направлены на рассмотрение темы надежды – темы, которой отдано предпочтение в его философии религии в общем, и в его работе *«Religion innerhalb der Grenzen der blossen Vernunft»* (*«Религия в пределах только разума»*) в частности. В его *«Логике»* мы находим следующие строки:

Область философии в космополитическом смысле можно свести к следующим вопросам: 1. Что я могу знать? 2. Что я должен делать? 3. На что я могу надеяться? 4. Что есть человек? На первый вопрос отвечает метафизика, на второй – этика, на третий – религия, на четвертый – антропология.

В своем письме к С.Ф. Штойдлину, посланном вместе с экземпляром *«Религии в пределах...»*, переизданной в 1793 году, Кант писал:

План, который я для себя составил, давно требует исследования области чистой философии с целью решения трех проблем: 1. Что я могу знать? (метафизика). 2. Что я обязан знать? (моральная философия). 3. На что я могу надеяться? (философия религии). Наконец, четвертый вопрос: Что есть человек? (антропология – предмет, лекции по которому я читал более двадцати лет). С помощью приложенной к этому письму работы *«Религия в пределах...»* я попытался завершить третью часть моего плана.

Уже в двух первых *«Критиках»* Кант разработал базисную структуру теории надежды.

1. Описать те стороны человеческого состояния, которые иллюстрируют необходимость безусловной цели или целей.

2. Выразить Идею или Идеи, которые чистый разум представляет нам как идеал или идеалы. Они могут выполнять функцию безусловной цели или целей.

3. Проиллюстрировать практические преимущества, которые мы имеем благодаря этим идеям.

В *«Критике чистого разума»* человеческое состояние, иллюстрирующее необходимость безусловной цели или целей, содержит следующее: 1) наше осознанное понимание того, что

добродетельные люди должны быть счастливы, и 2) наше признание того, что в этом мире нет обязательного соотношения между добродетелью и счастьем.

Чистый практический разум преподносит нам идею «морального мира» с целью показать, что разумное и систематизированное единение моральной и естественной областей, при котором добродетель была бы связана со счастьем, рационально и логично. Чистый практический разум также преподносит нам идею *summum bonum* (полнее разработанную во второй «Критике»), согласно которой счастье было бы «строго пропорционально морали разумных существ, считающихся, таким образом, достойными его». Практический разум поддерживает эту идею при помощи постулатов бога и загробного мира.

Что же касается практических преимуществ, то идеи морального мира и *summum bonum* позволяют нам осознать наш опыт во всей его полноте. Они являются эвристическими вымыслами; согласно Канту, это понятные миры, позволяющие нам узнать, что: 1) разумно полагать, что добродетель может и должна быть связана со счастьем, и 2) разумно надеяться, что это произойдет.

В «Религии в пределах...» Кант следует этой же структуре в отношении надежды, но под совершенно иным углом зрения. Аспект человеческого состояния, который был тщательно рассмотрен в книге I, касается человеческой свободы: «Мы знаем, что всегда должны действовать в согласии с категорическим императивом, но наше Willkuer, или умение выбирать, подвержено влиянию Naenge – слабостей, которые уменьшают нашу способность быть полностью моральными. Мы подвержены трем таким слабостям – моральной неустойчивости, когда мы поддаемся дурным намерениям, даже если желаем быть добродетельными; порочности, когда мы не делаем то, что велит закон – частично по причинам, продиктованным благоразумием; и злобе, когда мы принимаем положения, противоречащие моральным законам. Наше человеческое состояние таково, что нам кажется невозможным делать то, чего требует практический разум».

Идеи, преподнесенные практическим разумом, являются идеалами, связанными именно с этим состоянием. Первый – это морально совершенный индивид – «персонифицированная Идея принципа добродетели», который фактически является описанием Христа – частично в теологической терминологии, частично в терминологии Канта. Второй – это стремящееся к моральности общество, все члены которого посвятили бы себя соблюдению моральных законов. Это является фактическим описанием «истинной церкви», абсолютно универсальной, чистой, свободной и неизменной.

Эти идеи поддерживают обоснованность требований практического разума, указывая на то, что абсолютная добродетель реальна. Более того, они создают цели, к которым мы, каждый в отдельности и общество в целом, можем разумно стремиться, потому что даже частичное их достижение явилось бы большим преимуществом. Наконец, они позволяют нам не впадать в отчаяние, что могло бы угрожать самой нашей вере в моральность. Они показывают, что наши усилия в создании морального общества разумны и небесполезны, несмотря на присущие человеку моральную неустойчивость, порочность и злобу.

II. Оправдание иллюзии

Однако подобные идеалы и надежды, согласно Зигмунду Фрейду, совершенно неразумны для современных людей, так как они не согласуются со строгими научными методами. В своих «Новых вводных лекциях по психоанализу», вышедших в 1915 – 1916 и 1916 – 1917 годах, Фрейд утверждал: «Факт тот, что правда не может быть терпимой и не может принять ни компромиссов, ни ограничений. Научные исследования смотрят на поле человеческой деятельности как на свое собственное. Таким образом, они должны исключить возможность любых компромиссов по отношению ко всякой другой власти, намеревающейся узурпировать какую-либо часть своей провинции» (NY: W.W. Norton, 1933, p.216). Этот подход был использован Фрейдом в отношении религиозных феноменов, по-

добных тем, которые были подробно рассмотрены Кантом в его философии религии, например «великодушное правление божественного Провидения», «установление мирового морального порядка» и «продолжение земного существования в загробной жизни» («*Будущее иллюзий*», гл. 6, 1-й параграф).

В «*Будущем иллюзий*» Кант сравнил их с тем доверием, которое беспомощный ребенок возлагает на отца, когда прячется под его защиту. Но это, утверждал он, *иллюзии*, то есть они основаны исключительно на желаниях, чтобы определенные мечты сбылись, и сами эти желания заложены в нашей беспомощности. В отличие от «разочарований» они не обязательно противоречат действительности, но основаны не на разумном ожидании того, что случится или может сбыться, а на сильных эмоциональных потребностях.

Как таковые эти иллюзии могут послужить полезным психологическим целям, так как могут обеспечить человеку необходимое чувство защищенности перед лицом опасности, к которой мы в ином случае плохо подготовлены. На более ранних стадиях развития человечества, полагал Фрейд, эти иллюзии помогали в борьбе с разрушительными силами и превратностями природы – землетрясениями, ураганами, лесными пожарами, снежными бурями и т. д.

Но как ребенок вырастает из потребности в эмоциональной защите со стороны отца, так и современный человек, благодаря усовершенствованию разума и науки, вырос из потребности в вышеописанных иллюзиях. Мы способны смотреть в лицо силам, окружающим нас, с помощью науки и разума, не опираясь на костыли иллюзий – религии или чего-либо подобного.

Если бы нам нужно было прибегнуть к той же схеме, которая была использована выше при описании Кантовой структуры надежды, мы имели бы следующее.

1. Аспекты человеческого состояния, иллюстрирующие особую потребность:

мы часто напуганы – даже утрачены – окружающими силами, которые угрожают нашей безопасности и благополучию; такой эффект могут оказать на нас силы природы и общества.

2. Идеи, представленные нам:

у нас развиваются иллюзии, параллельные нашим детским желанием – в этом случае мы мечтаем о существах и состояниях, которые смогут защитить нас; таким образом, мы начинаем верить, что такие существа и состояния существуют.

3. Практические преимущества:

когда у нас нет разумных способов и научных методов, чтобы справиться с данными состояниями, эти иллюзии помогают нам сохранить здравомыслие и способность функционировать. Но если мы можем справиться с этими силами как зрелые и разумные люди, то незачем по-детски за эти иллюзии держаться. В современном обществе сложилась такая ситуация, в которой мы не можем более спастись ими.

III. Вечный мир

В «*Вечном мире*» (1795) Кант описал нацию или государство как историческую, развивающуюся сущность. Как индивид растет и развивается посредством взаимодействия с другими индивидами, так же и история нации показывает движение и развитие посредством контактов с другими нациями. И, что очень важно, так же, как справедливое цивилизованное государство может быть сформировано индивидами посредством их взаимного антагонизма, разумно было бы полагать, что справедливая федерация государств-республик может быть сформирована автономными государствами посредством конфликтов между ними. Более того, если бы автономия индивидов была сохранена в государствах по справедливым законам, каждый индивид был бы способен стремиться к своему собственному типу счастья более свободно и мог бы развивать свои разумные дарования. И если бы нации могли уважать такую же автономию в других государствах, у государств появилась бы свобода в достижении собственных целей.

Цель и идеал, представленные разумом, в данном случае есть цель и идеал федерации наций, параллельные идее «королевства целей». В политическом идеале каждое автономное государство определяло бы отношения с другими государства-

ми согласно универсальному гражданскому праву и не ущемляло бы прав других наций. Каждое государство преследовало бы собственные цели согласно с таким же правом для других наций. Войны прекратились бы.

Практическая ценность этого политического идеала состоит в том, что он вдохновляет нас на поиски моральной структуры для объединения наций. Он демонстрирует, что подобная структура – не пустой вымысел, но ясная цель, стоящая того, чтобы добиваться ее всеми возможными усилиями.

IV. Надежда или иллюзия?

Какой исторический идеал представлен в *«Вечном мире»*? Разумная ли это, закономерная ли надежда, основанная на тщательном использовании разума? Или это иллюзия – вымысел нашего воображения, основанный на желаниях, возникших как противоядие против ужасов войны?

Конечно, в пользу последнего могут быть приведены веские доказательства. Двадцатый век видел в некотором отношении больше ужасов войны, чем все прошлые столетия. Оказалось, что развитие науки и понимание сущности войны смогли сделать ее орудия более разрушительными. Человечество XX века способно во время войны разрушать основательнее, точнее и масштабнее, чем до сих пор считалось возможным. Разум и наука не дали нам возможности сосуществовать как нациям и строить наши отношения по законам более моральным и зрелым. Таким образом, наши надежды все-таки кажутся обыкновенными иллюзиями, возникающими только для того, чтобы помочь нам выстоять. В области ведения войны мы похожи на первобытных людей, которым их иллюзии нужны затем, чтобы выживать психологически. Те, кто сильнее, могут обладать способностью смотреть в лицо любой действительности, не прибегая к иллюзиям в качестве обезболивающего, однако трудно понять, как можно в этом случае избежать пессимизма.

Существует ли тогда доказательство в пользу объединения наций как разумной, благотворной надежды? Я полагаю, существует. Негативный эффект современных войн имеет две сто-

роны: 1) массовое уничтожение почти всего, что мы считаем ценным – людей, жилищ, произведений искусства и культуры, красот природы, и 2) пессимизм по поводу нашего политического будущего. Из этих двух типов феноменов второй всегда более подробно рассматривается Кантом в его теории надежды.

Наш страх должен быть устранен, а дух наш должен быть возвышен разумом так, чтобы мы могли продолжать жить морально и разумно настолько, насколько способны.

В своем умении победить пессимизм разум поддерживает нас при помощи ясной идеи объединения наций для того, чтобы мы могли продолжать наши усилия в стремлении к мирному и гармоничному сосуществованию народов. Разум дает нам «критический оптимизм»: это единственная возможность победить современные войны и на себе испытать, что такое вечный мир.

Перевод с англ. Е.П. Наумовой

Б.И. КУДРИН

(Московский энергетический институт)

Техническая реальность: угроза или путь к вечному миру

Двусмысленность звучания для немецкого уха названия работы Канта «К вечному миру», 1795 [1, 6, с.257-310] дает возможность использовать его черный юмор для рассмотрения двух сторон технической реальности. Точнее, можно считать: или 1) техника ведет ко всеобщему миру как благо, которое не только удовлетворит материальные потребности, но и решит все вопросы этики и эстетики; или 2) техника – угроза цивилизации, ведущая к кладбищенскому покою. Кант обосновывает (что и есть новое, им внесенное) неизбежность установления на